

18+ Inna Pastushka

Наследница из заброшки

женский роман

Inna Pastushka
Наследница из заброшки.
Женский роман

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50438000
ISBN 9785449819567*

Аннотация

Ещё в детстве Зина потеряла родителей, но только после предательства мужа, пережив тяжкие лишения, она узнаёт тайну, которую у неё когда-то «украла» родная тётка... В произведении использованы: Колыбельная «Воробушек» – автор текста: Михаил Исаковский, Отрывок из стихотворения «Старый каменный город» – автор текста: Марина Калмыкова.

Содержание

Если весь мир против	5
Какая она – новая жизнь...	24
Проклятые стены	41
Побег	59
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Наследница из заброшки Женский роман

Inna Pastushka

© Inna Pastushka, 2020

ISBN 978-5-4498-1956-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Если весь мир против

У парадного входа отеля мирно прохаживался охранник. Светлый форменный костюм из лёгкой ткани, спортивная выправка, аккуратная стрижка – весь вид говорил о презентабельности заведения, где служил Глебов. Периодически он прятался под козырьком здания от яркого июньского солнца, которое нещадно палило, всё сильнее окрашивая лицо охранника бронзовым загаром. Всего несколько дней, как Илья Кузьмич распорядился выдать летнюю форму, а руки до локтей уж успели загореть. Хорош Иван Кузьмич, во всём хорош, и работу метрдотеля знает, и с персоналом учтив, и у хозяйки в чести. Но, всё же, зря он не поставил Глебова охранять пляж. Эти двое молокососов, которые недавно были приняты, ходят по пляжу, обласкивая богатых красоток взглядами, а он здесь у всех на виду – ни присесть, ни закурить.

Из двери вышел Иван Кузьмич.

– Хороший денёк, – прикрываясь рукой, взглянул он на солнце, переводя хозяйский взгляд на отель.

– Да, хороший, – вынужден был согласиться Глебов. По этикету следовало бы добавить пару дежурных фраз, но в этот момент заработала рация: «Подъезжают!», – донеслось из рации.

Иван Кузьмич приосанился и пошёл навстречу подъезжа-

ющему внедорожнику премиум класса. Глебов знал – сейчас метрдотель согнётся, как молодая берёза на ветру, будет лить елей, расшаркиваться перед хозяйкой, отчего та соблаговолит кинуть ему ласковое словцо.

Глебов, дабы показать свою бдительность, стал осматривать окрестности фасада. Как вдруг он услышал визг тормозов.

Иномарка затормозила, практически, на полной скорости. От неё едва успели отскочить двое – мужчина и женщина. Обоим было немного за тридцать. По виду простые граждане среднего достатка, похожие на остальных жителей их приморского городка, которые казалось, специально избегали солнца, загара и пляжа, оправдываясь вечной занятостью и бесконечной работой.

Из окна машины выглянул обезумевший водитель и принялся на них орать:

– Что рты поразевали?! На дорогу смотреть надо! Крутых отелей не видели?! А ну, пошли отсюда!

Мужчина, вместо того, чтобы схватить свою спутницу и бежать как можно дальше от этих богачей, которые в любом случае будут правы, – успел отойти от шока и в долгу не остался:

– Ты чего орёшь? Чуть не сбил нас, ещё и орёт! Водила недоделанный!

Его спутница была иного склада характера и ввязываться в ссору не хотела. Она постаралась увести своего мужа, уго-

варивая на все лады:

– Пойдём, пойдём отсюда. Женя, ну, что ты в самом-то деле... Да брось ты, сдался он тебе?!

Но Женя уже вытаскивал водителя из машины, заранее сообразив, что мягкий, рыхловатый толстяк ему не соперник. Глебов не заставил себя долго ждать, и, подбежав к машине, легко оттолкнул Женю. Продолжая его толкать, он всё ближе прибавал его к обочине. Тому оставалось только махать руками да громко ругаться.

– Да не трогайте вы моего мужа! Кому сказала, не трогайте его...! Вы не имеете права... – урезонивала Глебова женщина. И тут же принималась успокаивать мужа, – Успокойся! Успокойся! Пойдём отсюда... – Видя, что мужа не успокоить и он, как бравый петух, кидается на охранника, она снова взывала к совести Глебова, – Да не трогай ты его! Хватит, я говорю! – Но ни один, ни второй не были готовы уступить. И женщина снова пыталась достучаться до мужа, – Да пойдём же, говорю! Совсем крыша съехала...? – Она кричала до тех пор, пока не получила оглушительную пощёчину, которой её ненароком наградил бестолково размахивающий руками муж.

– Ой! – схватила она за щёку и отбежала в сторону.

– Ах ты, гад! Я те шас покажу! – не унимался Женя, отбиваясь от охранника. Но тому уже порядком надоела эта мышьяная возня, и Глебов, заломив Жене руку, кинул его на землю прямо к ногам женщины.

– На, забери! – усмехнулся он.

Женщина помогла подняться мужу, и, схватив его за руку, увела, как можно дальше от отеля. Отойдя на безопасное расстояние, они оба оглянулись, наблюдая, как метрдотель и охранник возятся возле машины.

– Жополиз барский! – выкрикнул Женя.

– Не надо, молчи... – как можно мягче попросила его жена.

Женя с завистью посмотрел на отель:

– Ты хоть знаешь, сколько здесь номера стоят?! – и в сторону не то охранника, не то водителя крикнул, – зажрались, куркули! – Он перевёл взгляд на жену и только сейчас обнаружил багровое пятно на её щеке, – Ничего себе! Ты это... Зин, прости, я не хотел. Сама понимаешь.

Метрдотель открыл заднюю дверь иномарки, помог выйти женщине, которая всё это время сидела в машине. Это была ухоженная, немного полноватая, хорошо выглядевшая для своих пятидесяти пяти лет дама.

– Пойдёмте, Лидия Георгиевна, пойдёмте. Не обращайтесь на всяк проходящий сброд, – предложил он ей руку, провожая в отель.

– Быдло, – только и сказала Лидия Георгиевна.

– И не говорите, – с готовностью поддакнул Иван Кузьмич.

В квартире Пановых ночью раздался телефонный звонок. Зина встrepенулась, не понимая, кто может звонить в такое

время. Она взяла трубку беспроводного телефона и узнала голос печатника, которого они совсем недавно приняли в типографию:

– Зинаида Матвеевна, у нас ЧП. На машине помпы полетели.

Потирая глаза, Зина включила светильник, с трудом понимая, что ей говорят. Пробудившийся от звонка Женя, незаметно стянул со спинки кровати полотенце, примостив его на лоб.

– Я ж говорил Павлу, чтоб машины проверил! Вот те и раз! Зинаида... – продолжал вещать голос в телефонной трубке.

– Да слышу я, слышу. Подожди, дай сообразить... – оборвала его Зина, и тихонько позвала мужа, – Женя, Жень...

В ответ ей раздалось мучительное мычание. Женя потёр виски, и приподнялся, опираясь на локти.

– Что, опять голова? – спросила Зина.

Женя в ответ замычал, и Зина с трубкой в руках пошлёпала на кухню:

– Сейчас таблетку принесу.

Как она не крутила, выход был один – идти к Егорычу. Но вряд ли он захочет помочь после того, как Женя спяну избил лучшего наладчика их типографии.

– Так... Так... Так... Дай сообразить, – лепетала она в трубку, понимая, что проблему решать надо. И, похоже, она знала, как её решить.

Женя из кухонного окна наблюдал, как Зина со своей несменной, закрученной на затылке гулькой, садится в такси. Он, прячась за занавеской, аккуратно курил сигарету, чтобы жена не заметила огонёк.

Зина нажала на дверной звонок, из квартиры вышел Егорыч, одетый в одни трусы.

– Зина, ты что ли? Что случилось? Чего трезвонишь по ночам? В типографии опять чего? – недружелюбно встретил ночную гостью пожилой человек. Но в его интонациях Зина уловила и заботу.

– Егорыч, выручи, а? Помпы полетели.

– Зина, ты что – русского языка не понимаешь? Ничего я для вашей типографии делать не буду. Вон своему спасибо скажи!

Зина виновато опустила глаза. Что она могла сказать на его правду?

– Хорошая ты баба, Зинка. И такое дерьмо тебе в жизни досталось. – Егорыч в тусклом свете углядел пятно на щеке Зиной, – Это он тебя так?

– Да нет, это случайно, – махнула она рукой. И пока Егорыч не скрылся за дверью квартиры, принялась всучивать ему деньги, – Ты прости его, Егорыч...

– Откупиться хочешь? Да за то, что он со мной сделал... Скажи спасибо, что в полицию не пошел. Моя уговаривала побои снять... Да, ладно, давнее это дело. Тебе помогу. Только, чтобы его там не было. А деньги спрячь.

– Нет, нет, ты возьми, Егорыч – за работу. Такого наладчика, как ты, днем с огнем не сыщешь. А его там не будет, он головой мается.

Егорыч взял деньги, отсчитал несколько купюр, а остальные отдал Зине.

– На, держи, этого хватит. Сказал бы я тебе, чем он мается, да ругаться ночью не хочу – соседей будить.

Зина знала, что Егорыч не откажет, не тот он человек, чтобы бросить в беде. И всё равно на радостях чмокнула его в щёку:

– Спасибо, Егорыч, спасибо, миленький!

– Да ладно тебе... – смутился Егорыч, – для тебя же, не для него делаю. Я это... спросить тебя хотел... Это правда, что ты типографию на него отписала?

– Ну, переписала. Одна семья ведь. Чего делить-то?

– Дура ты, дура! – трясся перед ней рукой, возмущённо воскликнул Егорыч. – Попомни мои слова, обдерёт он тебя, как липку, нищей по миру пустит!

– Да что ты такое, Егорыч, говоришь? – отмахнулась от его слов Зина.

– Знаю, что говорю! Не знал бы погань эту, так не говорил бы. Квартиру не вздумай на него отписывать!

– Квартиру? Нет, и в мыслях не было, – оправдываясь, успокоила она Егорыча. И, помолчав, добавила, – Понимаешь, Егорыч, нервы у меня. Порой так бывает... Хочется спрятаться где-нибудь – от всех, чтоб никого не видеть. А тут

типография эта столько сил тянет. Плачу от дела и без дела целыми днями...

– Нервы? Так ты это... к врачам сходи.

– Была я у врачей, – призналась Зина. – Говорят, какой-то гормональный сбой.

Зина не первый раз доверялась Егорычу. Она знала, что этот работяга с золотыми руками и добрым сердцем умеет хранить тайны. И так повелось, что о своём, о женском она тоже доверялась ему. Егорыч окинул Зину отцовским взглядом, – мало ей хлопот, что ж он помпы не починит, что ли?

– Ну, иди, Зина, иди с Богом. Будут твои помпы, как новенькие.

В супермаркете в вечерний час пик было полно покупателей. Зина, аккуратно обходя спящих по залу людей, подвезла тележку к кассе. Она пристроилась в конце длиннющей очереди, которая ползла, как черепаха. На парковке в Жигулях сидел Женя, то и дело нетерпеливо называя жене. Наконец, спустя четверть часа, Зина добралась до кассы и уже выложила продукты на прилавок, как перед ней вынырнула юркая старушка с полной корзиной. Несмотря на возраст старушки, Зина не смогла смолчать:

– Не поняла... Нет... я, конечно, не против... Но... – издала она что-то невразумительное.

Бабка оглядела её наглым взглядом и, заметив багровеющую щёку, радостно ухмыльнулась:

– Смотрю, бьёт тебя твой, и не зря бьёт! – и, обращаясь

к кассирше, скомандовала, – давай, пробивай!

Зина катила тележку к парковке, еле сдерживаясь от злости. Она ругала себя, что не нашла нужных слов ответить зарвавшейся бабке. Из Жигулей вылез Женя:

– Наконец-то! Садись в машину, я сам выгружу.

– Езжай без меня, – попросила его Зина. – Я пешком. Хочу пройтись.

– Ну ладно, как знаешь, – даже не удивился Женя. Он привык к чудачествам жены, которые она оправдывала каким-то там гормональным сбоем.

В пустом сквере Зина выбрала лавочку под широким каштаном. Здесь в одиночестве и в тенике можно было отдохнуть от городской суеты, от жары, а главное, от людей. Она достала из сумки пластиковую бутылку с водой и только собралась отпить несколько глотков, как рядом на лавочку плюхнулся непонятно откуда возникший мужик. Его большие габариты не вмещались на свободной части лавочки, и он своей пропитанной потом футболкой прижался к Зине. Но её испугали не столько его габариты и запах пота, сколько собака крупной породы, которую мужик держал на поводке.

Собака смотрела на Зину, не отводя взгляда. Зина попробовала отодвинуться от мужика, но собака издала рык. Вокруг не было никого, и Зине стало по-настоящему страшно. Чуть двигая губами, чтобы не привлекать внимание собаки, она произнесла:

– Вы могли бы пересесть на другую лавочку? Вон вокруг

СКОЛЬКО...

– А эта что, тобой выкупленная? – грубо ответил мужик, активно жестикулируя. – Нашлась тут королева!

Зачем он говорит так громко и машет руками? – ещё больше испугалась Зина. Вдруг собака воспримет её, как врага, и кинется? Зина, преодолевая страх и стараясь не смотреть на собаку, стала осторожно двигаться на край лавочки. Оказавшись на небольшом расстоянии от мужика, она встала и на соломенных ногах сделала несколько шагов. Собака рванулась за ней, увлекая за собой хозяина. Зина остановилась, замерев, боясь оглянуться. Мужик потянул собаку за поводок и зычно засмеялся:

– Витязь, что с тобой? Пойдём, на кой она тебе сдалась?!

Зина слышала, как отдаляется лай собаки в другой стороне сквера и что есть мочи побежала. Она чувствовала себя жалкой, ничтожной, поэтому дала волю слезам, которые омывали её перекошенное от страха и измученное от постоянных нерадостных мыслей лицо.

Зайдя в свой двор, Зина миновала девчонок, которые собрались недалеко от её подъезда. Вдруг вдогонку она услышала смех. Зина прижала платок к щеке, которая, как ей казалось, багровела даже в сумерках. Она заскочила в подъезд, но, не дойдя до квартиры, она решила, что у неё достаточно сил разобраться с этой дворовой молодёжью. Но, глянув в окно подъезда, она увидела, что девчонки продолжают смеяться, рассматривая что-то в телефоне.

Поднимаясь в квартиру, Зина уже не понимала, кто, за-чем и по какому поводу над ней смеётся, пытается обидеть... Или ей это только кажется? Вот и сейчас ей кажется, что она слышит смех своего мужа, который находится в квартире двумя этажами выше. Зина поняла, что лечение, которое ей предлагает муж, пойдёт ей только на пользу.

Женя, развалившись в кресле, вёл милую беседу. Проказница-Оля веселила его своими шутками, и он безудержно смеялся. Молодая, весёлая, резвая в постели Оля всё больше занимала его мысли. Сегодня ему не удалось вырваться, но Оля всё могла делать и по телефону. Перемежая смех и страстные порывы, она кружила ему голову.

Всё оборвал дверной звонок. Женя лениво поднялся и муркнул в трубку на прощание:

– Всё, солнышко, моя пришла.

Но Оля не хотела так быстро отпускать своего котика, и Жене, пока он шёл открывать дверь, пришлось уговаривать:

– Я тебе обещаю, всё у нас будет хорошо. Потерпи немного.

По настроению Зины он сразу сообразил, что с той снова что-то случилось.

– Что с тобой? – спросил он.

Зина ничего не ответила. Она прошла в ванную, включила воду и проплакала там несколько минут. Потом, выкупанная, с полотенцем на голове, она сидела на кухне, наблюдая,

как Женя готовит ужин. Она смыла усталость, тревогу, обиду и поняла, что её любят. В этом мире есть тот, кому она нужна. Ведь ради неё он так ловко орудует лопаточкой, переворачивая котлеты, накрывает стол и готовит кофе, стараясь вкусно её накормить.

За ужином Зина рассказала мужу о неприятностях, которые произошли с ней за один вечер. Женя попытался успокоить жену, но всё же он переживал за её здоровье:

– Дорогая, ты всё принимаешь близко к сердцу. Ну встала какая-то старуха перед тобой. Ну и что? Да другие бы даже внимания не обратили! А у тебя всё, сразу трагедия. Это нервы, Зинуля, нервы. Я давно говорю, тебе надо лечить нервы.

– Нервы? А мужик с собакой? Да он просто издевался надо мной!

– Какой мужик с собакой?

– Да, ладно...! – отмахнулась Зина. Но, всё же, потом продолжила, – И девчонки вон у подъезда... Я что, такая смешная?!

Женя издал протяжный вздох, рассматривая жену, как будто он её в чём-то подозревал:

– Всё понятно...

Зина взорвалась:

– Что, что тебе понятно?! Я больная, да?! Все вокруг умные, здоровые, одна я психичка?!

– Ну, что ты, что ты, Зинуля... Я просто хотел сказать, что ты привлекаешь всю негативную энергию. Потому что твоя

нервная система не получает адекватного лечения. А, между прочим, дальше только хуже будет. Да что тебе говорить...? Не хочешь лечиться – как знаешь!

Высказавшись, Женя навернул ещё пару котлет, подсыпал гречки и под конец ужина взялся за кофе. Он заметил, что жена не притронулась к ужину. Увещевать её – пустое дело, и только собрался с ещё неостывшим кофе переключиться к телевизору, как вдруг услышал:

– Я согласна.

– Что...? – замер он.

– Я согласна пройти лечение.

Вот оно, свершилось! Он постарался скрыть радость, хотя ему это плохо удавалось:

– И это правильное решение, Зинуля. Ты просто молодчина, Зинуля. Вылечим тебя, будешь, как огурчик, – казалось, он танцевал вокруг неё, исполняя ритуальный танец.

В санаторном саду на лавочке Зина читала книжку. Здесь ей нравилось всё: умиротворённая обстановка, спокойствие, мягкие ковровые дорожки в коридорах, палаты с окнами на сад, незлобивые пациенты, ухоженная цветистая аллея. И тишина... какая тишина! Ежедневно сидя в саду, она научилась различать голоса двух птиц, которые дуэтом пели для неё песни. Правда, ей так и не удалось ни разу их увидеть. Но ей казалось, что одна из птиц – соловей, по крайней мере, ей этого хотелось. О чём можно ещё мечтать в этом саду, если не о пении соловья в блаженной тишине?

Но больше всего ей нравилась главврач – Александра Романовна. Необыкновенно обаятельная женщина, терпеливая, внимательная. Наверное, Зина хотела бы иметь такую подругу. Она всегда находила время поговорить с Зиной, поинтересоваться её делами, настроением. Не то, что Любаша! Подруга называется, не то, чтобы встретиться – звонит раз в пятилетку. Хотя, может, это и к лучшему, учитывая, что Зина последнее время никого не хотела видеть.

Взгляд Зины упал на окно главврача. Она увидела, что у Александры Романовны посетители. В окне мелькнул мужской силуэт, чем-то напоминающий Женю.

– Там к вам пришли, – услышала она за своей спиной. Зина обернулась и увидела кудрявую, улыбчивую женщину из соседней палаты, которая обращалась к ней.

Зина подошла к окну главврача и поняла, что не ошиблась. В кабинете Александры Романовны был Женя. Она зашла в здание, гадая, как лучше поступить – присоединиться к их беседе или подождать возле кабинета. Она решила подождать, тем более возле кабинета стояли в ряд с десятков стульев. Она заняла один из них, и тут же к ней подошла та же соседка по палате:

– Я же говорю, к вам пришли, – решила она достучаться до Зины.

– Да, спасибо. Он там, – Зина показала на кабинет.

– А кто он вам? – не сдержала любопытства кудряшка.

– Муж, – с гордостью ответила Зина.

– Хороший, наверное, – подметила кудряшка. – Здоровьем вашим интересуется. И не к кому-нибудь пошёл, а к самой главной!

– Да, – подтвердила счастливая Зина.

В кабинете Александры Романовны в соседнем от неё кресле развалился Женя. «Если берёт деньги, так пусть терпит» – решил он, закуривая сигарету, заметив, что главврач поморщилась от дыма. На столике между их креслами стояли чашки с кофе.

– Хороший кофе, – похвалил Женя, делая глоток обжигающего эспresso и затягиваясь сигаретой. – И вообще, хорошо у вас здесь, спокойно.

– А вы сами не хотите оздоровиться? – улыбнулась Александра Романовна.

Женя с интересом посмотрел на главврача. На вид ей было не больше сорока, высокая брюнетка, с загорелой кожей и пышной грудью. Похоже, у неё немало поклонников, – сделал он вывод, но она была не в его вкусе. Ему нравились молоденькие маленькие блондинки. Но чего добру пропадать? – решил он и потянулся к её ножке:

– А что, можно?

– Эй, эй... вы не так поняли! – возмутилась Александра Романовна и вскочила на ноги. – Ладно, будем держать связь. Думаю, через месяц всё будет решено.

Женя тоже не стал засиживаться в кресле. Он поднялся и достал из кармана деньги, которые остались после отдан-

ной взятки. Не в его случае мелочиться, и он протянул оставшуюся часть денег:

– А, знаете что, Александра Романовна, возьмите-ка ещё в счёт аванса, – он положил деньги на стол.

– Хм, сестра была права. С вами приятно иметь дело.

– О, Антонине Романовне меня рекомендовали только с положительной стороны. Итак, встречаемся через месяц?

Александра Романовна проводила его до двери обещающим взглядом, который был лучшим ответом. Уже выходя, он обернулся и увидел, что главврач грациозно передвигает пальчиками оставленные им купюры на столе.

– С вами тоже приятно иметь дело, – заметил он. – Увидимся, – попрощался он, давая Александре Романовне ровно месяц, чтобы по всем правилам обтяпать их дельце.

Увидев показавшегося в дверях Женю, Зина вскочила со стула и кинулась к нему:

– А я тебя жду!

Женя обнял жену и, повёл её по коридору, увлекая за собой:

– Пойдём, Зинуля, пойдём. Врач сказала, отмечается динамика, ты идёшь на поправку. Ты только лекарства все принимай, выдерживай режим, больше бывай на свежем воздухе.

Проводив мужа, Зина прогулялась по саду и после обеда зашла в палату на дневной сон. На столике стоял шикарный букет цветов, который ей передали от Жени. Зина не пони-

мала, почему она так долго отказывалась от лечения. Заво-та мужа особенно трогала её. Он стал внимательным, ласко-вым, а, главное, ушла депрессия. Счастливая и беззаботная она смотрела в окно, лёжа на кровати и не заметила, как во-шла Александра Романовна.

– Как настроение, Зинаида Матвеевна? – услышала она и вздрогнула от неожиданности. Но тут же обрадовалась:

– Ой, Александра Романовна!

– Что такое, испугались? – с доброй улыбкой спросила главврач.

– Есть немножко, – засмеялась Зина.

Александра Романовна села на краешек кровати и, погла-живая Зину по голове, нежно, по-матерински успокоила:

– Нервишки, всё это ваши нервишки... Вот вылечим вас и вернётесь домой здоровой, весёлой...

– Домой?

– Вы не хотите домой, вам понравилось у нас? – тихонько засмеялась Александра Романовна.

– Угу, понравилось. И вы – главврач, а такая добрая. К па-циентам всегда внимательная. Вот ко мне лично каждый день заходите.

Александра Романовна растрогалась, она положила голо-ву Зины себе на колени и стала покачивать её, как ребёнка:

– А как же иначе? Вы же здесь, как дети мои. Каждый внимания хочет, ласки. А у меня доброты для всех хватит.

– Если бы вы знали, как здесь хорошо, – призналась Зи-

на. – Не хочется возвращаться к прежней жизни – к работе, к суете... – Зина задумалась на мгновение, ощущая любовь, которую ей сейчас дарила Александра Романовна. – Меня в детстве мама так качала. Мне и сейчас кажется, что я маленькая. Так иногда хочется, чтобы обняли, взяли на руки, успокоили.

– А где ваши родители? – спросила Александра Романовна.

– Они умерли, когда я была ещё совсем маленькой. Разбились. Это была автомобильная катастрофа. Но вы не поверите, я очень хорошо помню и маму, и папу. У мамы руки были такие мягкие, добрые, как у вас. Ещё я помню какие-то залы. Я бегала по ним, а папа говорил, что это всё наше.

– Какие залы?

– Не знаю. Помню какое-то очень большое здание, а там много-много разных комнат... – Зина замолчала, размышляя. Потом продолжила: – Странно... разве может всё это принадлежать одному человеку...?

– Наверное, ваш папа очень любил вас и хотел, чтобы вы чувствовали себя маленькой принцессой в волшебном замке, – предположила Александра Романовна.

– Да! Да! Это было похоже на замок!

– А почему вы домой возвращаться не хотите?

– Нет-нет, я не то, чтобы не хочу... – возразила Зина, – просто там придётся снова вырасти. А здесь я всё та же маленькая принцесса из детства и здесь тоже много разных

комнат.

Александре Романовне понравилось сравнение, она весело расхохоталась. Зина поднялась с постели и, глядя на Александру Романовну, тоже залилась безудержным смехом. Пациенты, проходящие мимо палаты Зины, узнавали смех любимого главврача и в который раз благодарили судьбу за удачу, которая привела их в этот санаторий.

Какая она – новая жизнь...

В купе поезда двое мужчин потягивали пиво с рыбкой. Тот, который моложе, не давал скучать своему попутчику. Он болтал без умолку, не пропуская ни одной остановки, куда выскакивал затариваться пивом. Он сокрушался, что жене не дали отпуск и пришлось ехать к детям в одиночку. А жена, как никто другой, любит море, видно, была русалкой в прежней жизни. Она, проказница, о Дубае мечтает, да только отпустить её туда, это навек потерять – найдёт дубайца и поминай, как звали. Для него же море – это рыбалка и то по утрам. Что там на море днём делать, – пиво горячее не вкусное...

Тот, который постарше был рад весёлому соседу. Ехать в такую даль в одиночку было тягостно. А тут и время скоротать можно, и с хорошим человеком поговорить. Давно он в родных краях не был, лет тридцать как. На вид ему было лет шестьдесят пять, подтянутый, гладко выбритый, не суевливый – он был полной противоположностью своему низкорослому, пузатому соседу.

– Тридцать лет?! – обалдел тот, который был с пузом. – А родные хоть знают, что едете? – обращался к нему на «вы» Пузик, чувствуя разницу в возрасте.

– А родных у меня нет – ни там, ни там. Один я. Жену давно схоронил, детей нет. Сидел вот, сидел в своём Красноярске и вдруг так на родину потянуло. У меня в Крыму

квартира от жены осталась. Вот еду, так сказать, домой, – совсем не радостно сказал пожилой мужчина.

– А сами-то откуда?

– Из Крыма я. Там с женой и познакомились, поженились. Потом уехал с ней за большими деньгами. Вот пенсию хорошую заработал, да куда всё это мне одному? Ёлки... думал, будут деньги – будет счастье. Да вот и деньги есть, только один теперь я.

Пузик заметил, что его сосед суёт свои «ёлки» налево и направо. Видать, чтоб много не болтать, тот решил речь скоротить и от «ёлок-палок» остались одни «ёлки». Но, по всему видать, человек он хороший, – подумал Пузик, и, подлив обоим пивка, спросил:

– Что ж, совсем никого у вас нет?

– Можно сказать, никого. Друг у меня там в Крыму один был – Матвеем звали. Хотя и моложе он меня намного, но дружили мы с ним крепко. И жёны наши сдружились, прям как сёстры были. Кумом потом меня взял, когда дочка у него родилась.

Пожилой мужчина, замолчал, задумался, уйдя в себя. Пузик не стал его больше ни о чём спрашивать, даже пиво перестал пить. Оба смотрели в окно, за которым мелькали поля да столбы.

– Сейчас... – оборвал молчание мужчина и зачем-то полез в чемодан. Оттуда он достал бутылку водки, достал пластиковые стаканы и разлил водку.

– Давай выпьем, помянем рабов Божьих Матвея и Веру.

Они выпили и, несмотря на то, что на столе оставалось ещё добрых полкурицы, завернутой в фольгу, закусили таранкой.

– А Вера – это дочка его, что ли? – спросил Пузик.

– Господь с тобой! Вера – это жена его. Оба в один день погибли – автомобильная катастрофа.

– О, блин! – всплеснул руками Пузик и поспешил плеснуть в стакан водки.

На этот раз развернули курицу, оставшуюся редиску, варенные яйца и, поняв, что проголодались, затрепали всё, что оставалось на столе.

– Вот дочку хочу их повидать, – сказал уже на изрядном подпитии пожилой мужчина. – Крестницей она мне придется. Ты знаешь, кто такой крёстный?!

– Ну... этот... который... – попытался ответить Пузик.

– Сиди, не знаешь...! А крёстный – это, чтобы ты знал, второй отец. А я – старый дурак, совсем забросил её, забыл. С бабкой она тогда осталась, с Вериной матерью. Сестра Матвея всё хозяйство на себя взяла. Деловая бабка, с хваткой, своё не упустит. Говорила, мол, вырастит Зина, всё ей достанется...

– А много там хозяйства-то?

– Ого! Матвей, как только Союз развалился, своё не упустил – парень хваткий был. Небось, крестница, как их там сейчас называют... – бизнес-леди стала, меня признать не за-

хочет. Деньги, знаешь, портят.

– Да, как знать...? – не согласился Пузик. Разлил остатки водки по стаканам, взял свой, а второй подал соседу: – Давай... крёстный?

Почти месяц Зина отдыхала в санатории. Она забыла о депрессии, тревогах, забыла вкус слёз. Только позитивные мысли, – как учила её Александра Романовна, – только настрой на успех! Теперь у неё всё будет хорошо.

Утро началось великолепно. Она позавтракала и возвращалась из сада после утренней прогулки. Подойдя к зданию, заглянула в открытое окно главврача. Зина не забивала себе голову всякой ерундой о приличиях, они так сдружились с Александрой Романовной, что заглянуть в открытое окошко и пожелать доброго утра было обычным для неё делом. Она встала на цыпочки и положила на подоконник букет полевых ромашек, который нарвала, когда спускалась по дорожке на задворье санатория.

Из окна выглянула Александра Романовна. Увидев Зину, она радостно помахала ей ромашками, которые успела забрать с подоконника. Потом обернулась к кому-то в кабинете и позвала к окну. Зина чуть не подпрыгнула на радостях, когда увидела Женю.

– Подожди меня на улице, – расплылся он в улыбке. – Сейчас Александра Романовна выпишет назначение для тебя и поедем домой.

В настроении Зины уже давно произошли перемены.

И она хотела домой, хотела действовать, работать, ходить по магазинам, она даже готова отстаивать длинные очереди в супермаркетах. Она побежала в палату собирать вещи.

Александра Романовна закрыла окно и опустила тканевые жалюзи, которые вполне пропускали дневной свет в кабинет главврача. Она открыла ящик стола, вынула оттуда папку с исписанными листами. Поймав любопытный взгляд мужа своей пациентки, она достала из папки одну бумагу:

– Врачебное заключение по определению недееспособности вашей жены.

Женя окинул недоверчивым взглядом листок, потянувшись, чтобы забрать его из рук главврача:

– Так всё просто...?

Александра Романовна кокетливо увела руку в сторону, не отдавая бумагу:

– Не всё так просто. Все члены психиатрической экспертизы должны подтвердить изложенное здесь. Но, окончательное решение выносит суд.

Женя опешил:

– Суд...?

– А вы как думали?! – Александра Романовна провела по нему своим кареглазым взглядом, и пожала плечами. – Насколько я поняла... – она потёрла пальцами, изображая деньги: – Для вас это не будет преградой. Ведь вы же намерены идти до конца?

Женя понял, что платить придётся больше, чем он рас-

считывал. Но залог, который ему дали за типографию, уже лежал под матрасом его кровати. И на этот счёт опасений у него не было.

– Ну, разумеется... – буркнул Женя, пытаясь просчитать, не проведёт ли его эта хитроумная брюнетка, которая умела располагать к себе всех – от местного начальства до пациентов своего санатория. Зря он с ней не переспал, знал бы чем она дышит и что от неё можно ожидать.

Он сел в кресло – лишь бы подальше от этой черно-бурой лисы, которая, опёршись о стол своей изящной ручкой, постукивала пальчиками, наблюдая за ним насмешливым взглядом. Женя стушевался и спросил:

– А экспертная комиссия...?

– Это я возьму на себя, – уверенно ответила главврач. – У вашей жены серьёзные расстройства психики. Вот смотрите... – она открыла папку, вынула из неё листы и стала читать: – «Больная Панова Зинаида Матвеевна дезориентирована в пространстве, времени, и собственной личности. Имеют место галлюцинации. Больная ощущает себя ребёнком (просится на руки). Ярко выраженный онейроидный синдром. Утверждает, что выросла в большом замке, который принадлежал лично ей. Позиционирует себя, как принцесса...

Женя рывком подхватился на ноги:

– Хватит! Хватит, хватит...! Что это за бред?! Кто в это поверит?

Она потрясла перед ним бумагой:

– Между прочим, всё, что здесь написано – не голословный трёп. Мне понадобилось провести с вашей женой немало времени, чтобы извлечь это.

– Что извлечь? Никогда не поверю, что Зина...

– А от вас никто и не ждёт, чтобы вы верили! – перебила его Александра Романовна. – Всё, что от вас требуется, это платить. Или вы передумали?

Казалось, сейчас ещё мгновение и Александра Романовна положит бумагу обратно в папку, откуда она перекоچуют в шредер. Женя испугался:

– Нет, нет, конечно же, нет...! Просто у вас там так написано, что, боюсь... это не подтвердится.

– Вы готовы платить? – холодно спросила Александра Романовна.

– Разумеется...

– Тогда подтвердится. Подтвердится, даже если я напишу, что больная Панова Зинаида Матвеевна улетела на луну и осталась там на ПМЖ. Забирают же некоторых инопланетяне.

Женя глуповато улыбнулся:

– Ну, это вы уж слишком.

Александра Романовна усмехнулась:

– Евгений, вы в какой стране живёте?! А психиатрия – это, между прочим, та наука, которая любого дураком делает. Хотите проверить?

Она шагнула к нему. Он, держа её в поле зрения, попятился к двери. Александра Романовна провела по нему вмиг подобревшим взглядом. Она умела владеть собой и в доли секунды сменила гнев на милость. И почему-то уставшим голосом примирительно сказала:

– Да успокойтесь. Куда направились? А кто жену забирать будет?

– Как забирать? – опешил Женя.

– На время экспертной комиссии надо всё так организовать, как будто больная Панова сбежала. Заключение будет оформлено по результатам... – она взяла бумагу, которая уже лежала в папке поверх других бумаг, и потрясла ей: – вот этого вывода.

– И сколько дней ее дома держать? – в конец растерялся Женя.

– Пока не надоест.

Зина сразу узнала их красные Жигули, которые на фоне других машин выглядели чрезвычайно скромно. Но для неё это была самая лучшая машина в мире. Она с букетом шипкарных роз в руках заняла место возле Жени и всю дорогу ворковала, вызывая у мужа добродушную улыбку. Пока у неё не зазвонил телефон.

Из сбивчивой речи подруги Зина поняла, что её бросил парень и Люба изрядно пьяна.

– Отвезёшь меня к Любе?

Женя не любил Любу. Ему не нравилась её манера совать нос в чужие дела. Но она была единственной подругой его жены, несмотря на полную противоположность их характеров.

Доехав до развилки, Женя повернул в сторону города и выехал на широкую улицу, которая вела к дому Любы.

– Беспокойная ты моя, всё о других печёшься. Ещё и домой не доехала, а уже спешишь кого-то там спасать, – увещевал он жену, поглаживая её руку.

– Не кого-то, а мою лучшую подругу Любашу! – возразила Зина.

– Твоя Любаша, кстати, ни разу тебя даже не провела! – заметил Женя.

– Так я, вроде как, не в больнице лежала, – напомнила Зина.

В гостиной на столе стояла початая бутылка водки, кабачковая икра, обгрызенный батон и фотография темноволосого, смуглого парня в рамке. Любаша с растёкшейся тушью под глазами хлебала водку из стакана, зажмурив глаза и заедая кабачковой икрой, которую зачерпывала куском батона из банки.

Она не сразу заметила Зину, которая своим свежим, ухоженным видом составляла полный контраст пьяной, зарёванной Любаше.

– Так, что здесь за пьянство? – спросила Зина, отыскивая глазами вазу, чтобы пристроить розы.

Любаша кинулась к подруге, и, схватив ту в крепкие, пьяные объятия, проглатывая слова, затарахтела:

– Зина, Зинуля... как же мне жить теперь?! Я же спрашивала его: «ты женат»? А он: «нет, нет, не женат»! Я бы... да, если бы я знала, я бы давно его забыла. Я так любила его, любила... Зачем, Зина, зачем он так со мной? Я не знаю, как жить! Зина, что же мне делать теперь?! У него семья, понимаешь, дети! А я, я...

Зина почувствовала облегчение, когда Любаша выпустила её из объятий, – но, как оказалось, только лишь затем, чтобы наполнить стакан. Зина успела вовремя и, выхватив стакан уже, буквально, из рук Любаши, она пристыдила подругу:

– Нехорошо в одиночку! На, пей, подлец! – и выплеснула весь стакан в лицо парня на фотографии.

Любаша воззрилась на подругу обалделым взглядом. Но Зина невозмутимо наполнила стакан снова и подала его Любаше:

– А ну-ка, угости Дениску!

Любаша неуверенно взяла стакан из рук подруги, и, колеблясь всего пару секунд, вдруг со всей пьяной злостью вылила водку из стакана на фото парня. Зина подала ей мокрую фотографию:

– Давай, расскажи ему, всё расскажи, что на душе накипело! Поведай ему, что чувствует твоё разбитое сердце. Давай-давай, бери!

Любаша, сначала едва шевеля губами, но постепенно всё

более входя в раж, стала тужить и выговаривать Дениске:

– Я же тебя спрашивала, а ты что говорил: «не женат, не женат...». Обманул. Страдать заставил...

Пока Любаша вела монолог своей души с фотографией, Зина приготовила ей ванну. Она набрала полную ванну тёплой воды, добавила туда салатовой пены, морской соли, на бордюре ванны зажгла свечи и поверх пены выложила розовые лепестки.

Зина возвратилась в гостиную. В её руках были голые, колючие стебли – это всё, что осталось от роз, которые ей сегодня утром вручил муж. Но ради подруги она готова была жертвовать чем угодно, только бы не видеть этих несчастных, заплаканных глаз.

Она села в сторонке, скрестив ноги по-турецки, и наблюдала за подругой, которая уже не могла остановиться и, икая, высказывала своему мокрому Дениске всё, что было на сердце:

– Помнишь, как нам хорошо было? Слушай, а Ялту помнишь? Я говорила тебе: «не пей». А ты не послушал, вот на пароходе тебя и укачало.

– Так он тебя ещё и не слушал? – возмущённо вставила Зина.

– Представляешь, не слушал! Он, конечно, потом сто раз пожалел...

Зина подала подруге голые стебли, которые всё ещё держала в руках:

– Негодяй! Так ты по морде, по морде его!

Любаша схватила колючие стебли и излупила ими фотографию, разрывая её в мелкие клочья. Когда на пол упала тонкая металлическая рамка, отдаваясь звонким эхом в гостиной, Зина решила, что на этом хватит.

– Пойдём, – взяла она за руку подругу.

– Куда...? – не поняла та.

– В новую жизнь.

Зина завела Любашу в ванную, не включая там свет. Горящие свечи освещали салатовую воду, усыпанную лепестками роз. Любаша ахнула.

Пока подруга принимала ванну, Зина нашла в её гардеробной несколько подходящих нарядов. Завидя вышедшую из ванной, практически, отрезвевшую с полотенцем на голове Любашу, она усадила её перед зеркалом. Причёска и лёгкий макияж, искусству которого Зину научила в санатории Александра Романовна, тут же преобразили Любашу.

– А теперь примерь-ка вот это платьице! – попросила её Зина. – Подожди, подожди, не снимай, дай-ка я тебя сфотокаю. А теперь вот это!

Люба с радостью примеряла одежду, рассматривая себя новую в зеркале и позировала без устали, ощущая себя совершенно другим человеком. А Зина, направляя объектив цифрового фотоаппарата, руководила:

– Протягивай руки навстречу новой жизни! Улыбайся! Обнимай, обнимай счастье! Так, так, веселей лицо! К тебе

идёт новая любовь – встречай её!

Подруги тут же на компьютере просмотрели получившиеся фотографии, отметив, что Любаша на всех фото вышла и впрямь, как заново родившаяся.

Уже прощаясь на лестничной площадке, Зина обняла подругу и напомнила:

– Запомни, впереди у тебя только счастье.

– Да, да! – согласилась Любаша и вдруг всплеснула руками: – Слушай, я с этим своим Дениской забыла тебе сказать: ты так хорошо выглядишь! Теперь всегда будь такой.

– Буду. А по-другому и быть не может, – ответила Зина. – У меня теперь тоже новая жизнь начинается.

Спустя несколько недель счастливой жизни, Зина так и не поняла, зачем ей надо ехать в какую-то клинику. Но, конечно, если там дела у мужа и это не займёт много времени, она не откажется прокатиться с ним. Тем более, как она поняла, заведует клиникой родная сестра Александры Романовны. А всё, что касалось этой женщины, было для неё свято. И Зина, приготовив на дорогу по паре бутербродов и поллитровый термос чая с лимоном, запрыгнула в машину.

Она полностью доверялась мужу. В последнее время он сильно изменился и даже не подпускал её к делам типографии. С одной стороны, она скучала по работе, с другой – разве не она мечтала видеть мужа деятельным и предприимчивым? А ей пока хватало и работы по дому.

По завершении сегодняшней поездки, Зина наметила

взяться за глажку, после двух последних стирок скопилось две больших стопки белья. Потом она приготовит окрошку, которую она обещала мужу и как раз к вечеру успеет до своего сериала.

Зина смотрела на дорогу и начинала нервничать. Они всё дальше отдалялись от города, виляя по каким-то просёлочным дорогам. С такой отдалённостью, она не то, чтобы окрошку, но и сериал пропустит.

Возле ворот их встретил охранник и сообщил, что их ждут. Зина заметила, что охранник узнал её мужа и поняла, что те раньше встречались. Женя взял её под руку и, заметно нервничая, повёл в глубь двора, в котором находилось несколько корпусов. Возле центрального корпуса их ждала высокая темноволосая женщина, – Зина поняла, что это и есть сестра Александры Романовны. Внешнее сходство было разительным. Только та, которая встречала их сейчас, была старше и грубее. Её взгляд был оценивающим. Она смотрела на Зину, как смотрят на кролика в клетке, которого хотят купить, но не уверены, доживёт ли он до зимы.

– Знакомься, это Антонина Романовна, – наконец, заговорил Женя.

Антонина Романовна отмахнулась от Жени, демонстрируя напрасность его потуг. Дескать, не в высшем обществе, обойдёмся без приличий. Она махнула головой в сторону двери, где стояла женщина лет сорока – сорока пяти в белом халате, видимо, медсестра.

– Светка, прими гостей, – бросила она.

Женя, не отпуская локтя Зины, повёл её по ступенькам к двери здания. Она попыталась освободиться, не понимая излишнего внимания мужа. Но тот крепко держал её, и тут Зине стало не по себе. Она оглянулась назад, надеясь, что сестра Александры Романовны всё ещё здесь и ей ничего не грозит.

Зина встретилась взглядом с Антониной Романовной и увидела там ужасающую пустоту. В глазах женщины не было угрозы, не было опасности, там была пустота, холодность, безразличие.

Длинный коридор по обеим сторонам которого размещались палаты, устрашал своей тишиной. Женя уже не вёл, он тащил Зину за собой, которая ни о чём не спрашивала, не издавала ни звука, а просто сопротивлялась его силе, стараясь вырваться и убежать.

Медсестра остановилась возле одной двери, указав на неё глазами. Женя остановился и, как только медсестра открыла дверь, втолкнул в палату Зину. Он подвёл её к кровати и силой усадил жену:

– Посиди пока здесь, я скоро приду, – сквозь сцепленные зубы, выходя, пробубнил он, и за ним захлопнулась дверь.

Услышав щелчок замка, Зина кинулась к окну, чтобы крикнуть выходящему из здания мужу, что она ждёт его, что вечером её сериал и не глаженное бельё дома. Единственное окно палаты было грязным и зарешёченным и не то, чтобы

докричаться, Зина не могла в него даже как следует посмотреть. Она не поняла, что произошло и просто принялась лепетать:

– Где я...? Где я...?

Как вдруг услышала:

– В психушке, милая.

Зина перевела взгляд на голос и только сейчас заметила немолодую женщину, на вид лет шестидесяти пяти, худощавую, с собранными в пучок волосами на макушке. Желая только одного – как можно скорей проснуться, Зина стала метаться по палате – от окна к двери и наоборот, сбивая костяшки пальцев от непрерывного стука, умоляя выпустить её из этого сна. Она подошла к соседке и, пристально заглянув той в глаза, пыталась определить – она тоже часть её сна, или она, всё-таки, сошла с ума. Женщина смотрела на неё сочувствующим взглядом, она была вполне живая и настоящая. И в доказательство своего существования, женщина поднялась с кровати и коснулась руки Зины.

Только сейчас она осознала, что это явь. Её бросили, предали, заточили. Зина кинулась к двери и в который раз принялась неистово в неё колотить.

– Нет! Нет! – отгоняла она свои собственные мысли. И кричала – не то соседке, не то медсестре, которая привела их сюда, не то сестре Александре Романовне, которая так не была похожа на свою святую сестру: – Он сказал, он сейчас придёт! Он придёт, он обещал! Он не может! Женя! Же-

ня! Женя! Женя...

Оставшись без сил, Зина села на пол и просящим, испуганным взглядом уставилась на соседку. Та только сказала:

– Они приходят сюда лишь один раз, чтобы оставить нас. И больше никогда... никогда не возвращаются.

В гостиной на диване возлежала молодая белокурая девушка. Не сказать, что она была в восторге от квартиры, в которой недавно поселилась, но своё жильё куда лучше съёмного. По крайней мере, ей не придётся ежемесячно откладывать на аренду. И, если честно, это не единственное преимущество её нынешнего положения. Мужчина, который взял её под своё крылышко оказался не жадным, внимательным и готовым на жертвы кавалером.

Она услышала его шаги и приняла сексуальную позу, изогнувшись кошкой. В комнату вошёл Женя с подносом, на котором стояло шампанское и нарезанные фрукты.

– Моя кошечка, – оценил её изящество Женя.

– Я – Оля, – поправила его девушка и тут же добавила: – но, если ты хочешь – мяу!

Они пили шампанское, глядя друг другу в глаза. Отставив свой бокал в сторону, Женя притянул к себе Олю и, целуя, стал стягивать с неё пеньюар, в котором она любила ходить по дому. Раздев, он подхватил девушку на руки и унёс в спальню.

Проклятые стены

Говорят, горе может убить. Пусть не в прямом смысле, но исказить человека, изменить до неузнаваемости, убить в нём всё живое... – в этом смысле горе скорое на расправу. Особенно, если оно прикасается к незакалённой жизненными трудностями женщине.

В одной палате их было двое. Одна – привыкшая к длительному заточению, принимавшая завтраки и обеды строго по расписанию и не смевшая роптать на режим психиатрического интерната для душевнобольных. Другая – потерявшая себя. Она не знала какой сегодня день, какая погода за окном... Впрочем, её это совершенно не интересовало.

С осунувшимся лицом, Зина сидела на своей кровати, неподвижная, безразличная ко всему. Её соседка, которую звали тётёй Пашей, ухаживала за ней. Тётя Паша сократила свои ежедневные прогулки, которые позволялись дважды в день, сославшись на недомогание. К ней привыкли за годы её пребывания здесь, она не входила в число нарушителей режима и отношение к ней было сносным.

Она немало повидала в своей жизни людей, которые легко погибали без посторонней помощи и боялась оставлять Зину, видя, как хиреет её соседка.

Она сходила в туалетную комнату, намочила полотенце, которым протёрла лицо Зины. Затем она распустила растрё-

панную гульку, и принялась расчёсывать её длинные с золотистым отливом волосы.

– Я сорок лет проработала в милиции. И ни где-нибудь, а в МУРе. Следователем была, – рассказывала она Зине, хоть и понимала, что та её не слышит. – Награждали меня, премии давали. Вышла на пенсию с гордым званием – «ветеран труда». Много преступников поймала, все ходы в воровском мире знаю. Сколько раз бандюки убить меня пытались. В больничке валялась, раны латала. Но, чтобы в такой больничке... Нет, не о такой старости я мечтала.

Перестав расчёсывать, тётя Паша с любовью рассматривала Зину, любуюсь ей:

– Ой, какая ты красавица у нас – причёсанная, умытая... Волосы золотистые, глазки зелёные, как у феи лесной.

Зина продолжала сидеть безучастно, не реагируя на соседку. Тётя Паша взяла её руку, поцеловала ладошку:

– Горемыка ты моя, горемыка... И раньше не говорливая была, а последние дни совсем замолчала. Ладно, я – старуха, а тебе ещё жить да жить. И в одних стенах со мной... – тётя Паша устремила взгляд на стены: – Стены... стены... сколько горя из-за этих стен! Двенадцать квадратов на окраине Москвы... Коммуналка... – она и сама не заметила, как перешла на крик: – Дерьмовая, вонючая коммуналка!

Вдруг Зина зашевелилась, уткнула лицо в ладони и заплакала. Тётя Паша прижала её к себе, слушая, как колотится её сердце. Зина рыдала, и это её радовало. Это были первые

признаки эмоций за последние дни. Но, всё же её надо было успокоить. Тётя Паша встала перед Зиной на колени, убирая с лица послушные, расчёсанные волосы, и заглянула ей в глаза:

– Бедная моя, испугала я тебя? Ну, не надо, не надо плакать. Я больше не буду. Обещаю, обещаю тебе. Просто ненавижу я стены. Это из-за них я здесь. Сын мой с невесткой... Двенадцать квадратов... Им нужна была эта квартира. А я старая... мешала я им.

Голос тёти Паши снова задрожал, и она заплакала – в этот раз тихо, стараясь не волновать соседку. Зина положила ей на голову руку и погладила.

– Сын мой, сыночек... Им нужна была эта квартира. Три года я здесь. А может и больше, не знаю. День – ночь, день – ночь...

По побережью в сторону моря шли двое. Возле обочины дороги они оставили автобус и, завидя рыбаков, направлялись к ним. Женские босые ножки погружались в прогретый солнцем рыхлый песок, который покрывал малолюдный пляж вблизи порта. Мужчина шёл прямо в кедах, не обращая внимания на песок.

– Привет, дядьки! – окликнул он рыбаков.

– Здравсьте, – поздоровался один из них, в то время, как второй просто, молча, зыркнул.

– Ловится?

– Да, по-разному бывает, – ответил тот, который был бо-

лее приветливым. — А вы что, тоже...? — кинул он взгляд на море.

— Да, нет! Мы тут мальчишку одного ищем. Вон с интерната сбежал, — кивнул он в сторону женщины.

— А вы, значит, воспитательницей его будете? — полюбопытствовал рыбак. — И много таких сбегает?

— Подожди, Василий! — остановил разглагольствования своего напарника второй рыбак и спросил: — Что за мальчишку?

Женщина кинула на песок туфли, которые держала в руках, и достала из кармана брючек фотографию мальчика лет двенадцати.

— Посмотрите, может, знаете? Его Миша зовут.

Было заметно, что рыбаки сразу узнали мальчишку. Они переглянулись и усмехнулись.

— Кто ж Мишку-то не знает? — обрадовал воспитательницу Василий. — Это ж вы с того автобуса? — посмотрел он на дорогу, где был виден автобус. Женщина кивнула, и он продолжил: — Тогда езжайте вдоль побережья. Он в порту работает. Там его и найдёте.

— Спасибо большое, — поблагодарила женщина.

— Ну, давайте, хорошего улова! — пожал рыбакам руки мужчина.

— Вы там сильно его не прессуйте, он хороший пацанёнок, добрый, — попросил один из рыбаков.

— Да я-то что? Я — водитель, вон её просите, — указал он

добродушно в сторону воспитательницы.

– Ладно уж, как получится, – ответила она и, прихватив туфли, направилась в сторону автобуса. Водитель поспешил за ней.

Когда рыбаки остались одни, один из них спросил:

– Слышь, а ты знал, что Мишка – интернатовский?

– А что, по нему не видно?! Оборвыш голожопый!

В порту водитель автобуса отыскал бригадира и показал тому фотографию мальчишки.

– Женщина с вами? – указал бригадир на воспитательницу, которая стояла поодаль. И, не дожидаясь ответа, позвал: – пойдёмте там поговорим, здесь посторонним нельзя. Не пойму, кто вас вообще сюда впустил?

Они отошли и только собрались перейти к интересующему их разговору, как бригадир заметил слоняющегося без дела паренька:

– Так, Степан, а ну-ка, давай иди работай! – прикрикнул он на него.

– А я что? Я работаю, – сделал обиженное лицо Степан, перекладывая какие-то верёвки.

Воспитательница протянула фотографию бригадире:

– Посмотрите, знаете его?

– Да видел уже! – отмахнулся от фотографии бригадир, – Мишка там, – тыкнул он на фотографию. – А что случилось, зачем он вам?

Воспитательница объяснила суть дела. И бригадир рас-

сказал, как есть:

– Он у нас подрабатывает иногда. Заработает денег и был таков – несколько дней не показывается.

– А когда он был последний раз? – спросила воспитательница.

– Да вот вчера и был. Значит, так... – стал подсчитывать он про себя, – выходные... на этой недели вряд ли будет.

Водитель окинул взглядом кипящую работу в порту и присвистнул:

– А кем же он работает у вас?! Работа, смотрю не из лёгких!

– Да он так, принеси-подай. Но пацан он хороший, что не попросишь, всё выполнит. Жалко его, не знал, что из интерната...

– «Жалко»! – усмехнулся водитель. – Кого жалко, так это вот её, – показал он на воспитательницу. – Который день с ног сбилась, ищет. Хорошо, хоть автобус дали, меня к ней приставили, – подмигнул он воспитательнице.

– Ладно, мы пойдём. Спасибо, что помогли. А вообще, вот... – воспитательница достала из сумочки блокнот, записала номер телефона, вырвала листок и отдала бригадиру, – Как появится, позвоните.

Бригадир смотрел вслед незванным гостям и в сердцах сплюнул:

– Твою ж мать, Мишка! А говорит: «мать больную кормлю! Один я в семье кормилец!».

Тут же нарисовавшийся Степан, вступился за Мишку:

– Да, ладно тебе, Михалыч! Нормальный пацан ведь!

– Иди работай, защитник! – отмахнулся Михалыч и пошёл к своей бригаде.

Тётя Паша вот уж несколько дней не находила себе места. Её соседка была на последнем издыхании. Она совсем потеряла волю к жизни и улеглась помирать. Только взгляд зелёных глаз, который она изредка вскидывала на потолок, говорил о том, что та ещё жива. Да и то, какой-то мутный, неживой был взгляд.

В палату вошла медсестра, которую в интернате все, по примеру главврача, называли просто Светкой, и сразу кинулась журить тётю Пашу:

– Почему раньше не говорили, что сдыхает? – ткнула она безразличным взглядом в Зину и грубо повернула её на бок, – А ну, давай, поворачивайся! Разлеглась тут, корова! Кто пролежни твои мазать будет?

Она задрала ночную рубашку, открывая спину, поражённую пролежнями. И, грубо втирая мазь, запричитала:

– Никакой пользы от неё! За тех хоть пачку сигарет когда родственнички подкинут. А эту, как кошку лишайную выбросили, а мы – добрые, подобрали. Возись теперь с ней!

Она закончила втирать мазь и подтолкнула Зину к стенке. Та – измождённая, исхудавшая, лёгкая, как пушинка, ударилась лицом о стенку и застонала.

– Не тронь её! – кинулась к Светке тётя Паша. Всё это

время она сидела на своей кровати и с ненавистью глядела на медсестру.

Светка оттолкнула тётю Пашу, которой с трудом, но всё же удалось удержаться на ногах:

– Пошла отсюда, ментовка старая! Скажи спасибо, что сына твой хоть когда-никогда за тебя копейку кинет! А то давно бы уже в мешке вынесли!

Услышав про сына, тётя Паша кинулась вслед за медсестрой, которая, выйдя из палаты, уже шла по коридору:

– Постой! Когда ты видела моего сына? Он приходил сюда?

Медсестра остановилась и топнула на тётю Пашу ногой:

– А ну, пошла отсюда! Или укол захотела?

Тётя Паша знала, что спрашивать Светку бесполезно, не зря пациенты клиники в тайне прозвали её злоюкой. Тётя Паша поспешила в свою палату к Зине, понимая, что это единственный человек в жизни, кому она нужна.

Уже которую неделю мобильный Зины был отключён. Любаша порылась в записях и, наконец, нашла номер её домашнего телефона. Ближайший таксофон находился недалеко – в районе автовокзала, но она отвыкла пользоваться городскими телефонами, и не представляла, где сейчас, в эпоху мобильной связи, можно приобрести карту. К счастью, она вспомнила, что домашний телефон есть у соседки и попросилась сделать звонок.

Трубку сняли сразу же. По голосу Любаша поняла, что

Женя выпивший.

– Ой, слава Богу, хоть ты дома! Никак не могу дозвониться Зине.

– Конечно, не можешь. Она уехала, – ответил Женя.

– Куда уехала?

– Отдыхать, – бахвалясь, заявил он.

– В смысле отдыхать?! Она же недавно из санатория, вроде как отдохнула...

В ответ раздался его притворный смех:

– Ой, завистливая ты, Любка! Пусть подруга отдохнёт. Это же хорошо, когда есть такая возможность! Вот я, например, пашу, как вол. Год уже нигде не был. – И тут он её ошарашил: – Слушай, Любаш, а давай вместе рванём куда-нибудь?

Женя не ожидал быть застигнутым врасплох. Завёрнутая в полотенце после ванны, в комнату зашла Оля и последние слова мужчины не прошли мимо её ушей.

– С кем это ты уже рвануть собрался? – надула она губки, которые казались особенно манящими и свежими на распаренном от ванны юном лице.

Женя подозвал к себе девушку, приставляя палец к её губкам, чтобы, поди, чего не брякнула. Для Любаши он оставался преданным мужем, ожидающим жену с отдыха. Она ни в коем случае не должна узнать о разводе, который он успел оформить в одностороннем порядке после признания недееспособности жены. Несмотря на все выполненные формаль-

ности, подруга его бывшей жены не должна видеть Олю, так будет спокойней для всех, – решил он.

Женя почувствовал молодое, горячее женское тело, которое ещё не остыло после ванны и не смог удержаться, чтобы не залезть девушке под белый вафельный халатик, который когда-то принадлежал Зине.

– Ты чего, Панов, совсем обалдел что ли?! – услышал он и испугался. Он так увлёкся Олей, что забыл о Любаше, которая всё ещё оставалась на связи. – При живой жене, такое вытворяешь?

Женя даже посмотрел в проём двери, где выглядывала часть прихожей. Не там ли Любаша? И, на всякий случай, отодвинулся от Оли.

– Нашёл кому предложить! Я подруге – не враг. Да и в любовниках тебя смутно вижу. Так что, рвани-ка с кем-нибудь другим... – Любаша уже не могла остановиться, вычитывая Женю. Вот не зря она всегда его недолюбливала и, как сейчас поняла, было за что.

– Да угомонись ты уже! Пошутил, пошутил я! Ты же знаешь, мне кроме Зинки никто не нужен.

– Ладно, проехали. – Любаша уже собралась положить трубку, как вспомнила что-то важное: – А почему она сотовый не берёт?

– А, так она ж его потеряла!

– Потеряла...? Ну, ладно, скажи ей, пусть позвонит, когда вернётся, – и Любаша положила трубку.

«Ну, слава Богу», – вздохнула она, убедившись, что с другой всё нормально.

Маленькая форточка, расположенная на верхней части окна, была плотно забита и вдобавок закрашена белой краской. Несмотря на решётки, форточки в клинике не открывались даже летом. То ли там боялись побега больных, хотя в форточку не пролез бы и ребёнок, то ли считали двухразовое пребывание на улице достаточным для проветривания мозгов. Но, как бы там ни было, в палате стояла ужасная жара.

Тётя Паша отогревала ступни Зины, которые были мертвецки холодны. Она дышала на них, и с силой растирала, – только бы не дать той умереть.

– Совсем холодные, – пробормотала она и заметила, что Зина пошевелилась. – Проснулась? Давай, давай, сейчас спинку разотру.

Она взяла мазь, которую с трудом, но всё же выпросила у Светки, и принялась аккуратно втирать в спину. Она заметила, что пролежни стали глубже и пара из них уже стала кровить.

В палату зашла Антонина Романовна, одетая под молодуху. Под белым расстёгнутым халатом невольно бросалась в глаза короткая юбка, открывая полноватые голые ноги пятидесятилетней женщины. Начёс в стиле «девяностых» придавал ей старомодность, несмотря на желание выглядеть соблазнительно. «Сзади – пионер, впереди пенсионер», – успе-

ла подумать тётя Паша, и тут же влетела Светка. Тыкая пальцем в Зину, она заверещала:

– Вот полюбуйтесь, Антонина Романовна! Несколько дней не жрёт уже!

Главврач брезгливо осмотрела Зину, задержав взгляд на пролежнях:

– Батюшки! Да она загнётся скоро. Надо было раньше сказать. Проводи парентеральное питание.

Антонина Романовна вышла из палаты. Светка кинула ей вдогонку:

– Щаз! – и закричала на мало что соображающую Зину: – А зонд через нос не хочешь?! Это Антонина Романовна у нас добрая! По мне, вообще не жри – быстрее сдохнешь!

Светка выскочила из палаты. Тётя Паша решила, что их сегодня больше не побеспокоят. Она только присела на краешек Зининой кровати, как тут открылась дверь и с зондом в руках вбежала Светка.

Тётя Паша кинулась к ней навстречу, перекрывая доступ к Зине. Она схватила за руки медсестру и стала молить:

– Не надо, прошу вас, не надо. Я накормлю её. Обещаю, она будет есть. – Видя, что Светка раздумывает, она встала на колени: – Не надо...

Светка поморщилась, видя унижение пожилой женщины, обошла её – стоящую на коленях, и, приблизившись к кровати Зины, потрясла перед той зондом:

– Если через пять минут ты всё не сожрёшь, вот эту шту-

ку тебе в нос запихну. — Она бросила зонд на соседнюю кровать, которая принадлежала тётё Паше, и пройдя к двери, крикнула в открытый проём: — Ивановна, неси обед!

Светка, стоя у окна, наблюдала, как старая ментовка кормит доходягу, которой и жизни-то осталось — неделя, не больше.

— Миленькая, давай, давай, ещё ложечку... Вот так. Молодец. Давай ещё одну. Ты у нас умница. Ой, какая хорошая девочка...

Светка чувствовала, что эта лиса не прочь её надуть, и не спускала глаз с престарелой плутовки. Того и гляди, отъест половина супа, а то и за пазуху себе выльет... — с неё станется.

Так и есть, чего-то задумала... Ментовка подошла к ней с наполовину пустой тарелкой и, понимая, что наколоть не удастся, взмолилась:

— Хватит ей. Столько дней не ела. Живот не выдержит.

Наглости этой бабки нет предела, — поняла Светка, и оттолкнула её вместе с тарелкой, да так, что суп вылился на подол платья. Дальше здесь делать было нечего, и, под своё собственное ржание, она вышла из палаты, бросив на ходу:

— А мне всё равно от чего она сдохнет — с голоду или от живота!

Хозяин красных жигулей был зол. Его лицо с каждой минутой всё больше багровело, приобретая цвет машины, которой он управлял. Он не мог понять, кто ввёл его в сон —

в продолжительный, пугающий сон, после которого он так и не смог окончательно проснуться.

Типография, которой владела его жена, ушла к другому хозяину. Деньги за типографию ушли к женщине, которую он теперь ненавидел всем сердцем. За какую-то недееспособность он ей отвалил бо́льшую часть выручки. Теперь у него шиш, а она, по-прежнему, главврач санатория, да ещё с его деньгами. Оставшаяся часть денег ушла... вернее, уходила ещё к одной женщине, которая, собственно, и была причиной его багровеющего лица.

Оля щебетала без умолку всю дорогу. Она то ли не замечала настроения своего мужчины, то ли считала это не суть важным.

– После фитнеса я была у массажистки. А вечером с девчонками собираемся в сауну. Кстати, завтра...

– Пристегни, – кинул ей Женя.

Оля не совсем поняла значения его слов и недоумённо окинула себя взглядом:

– Что...? А, так я пристёгнутая.

Женя кинул взгляд на ремень безопасности, которым была пристёгнута Оля и только усмехнулся. Она же продолжала:

– Кстати, помнишь то колечку с брюликами, что мы с тобой смотрели? Так вот, сегодня я его купила.

– Какое колечко?

– Сейчас я тебе покажу, – с готовностью ответила Оля

и потянулась к сумочке, которая лежала на заднем сиденье.

– Не надо, – сцепив зубы, попросил Женя.

Но Оля уже достала колечко и, нацепив его, кокетливо поиграла пальчиками, любуясь красотой бриллиантика в один карат.

– Я же сказал, пристегни! Пристегни, я сказал! – взорвался Женя.

– Так пристёгнутая же... – выкатила глаза Оля.

– Пристегни рот! Рот пристегни! Кто тебе вообще разрешал его раскрывать?! – рассвирепевший Женя вёл машину, петляя по дороге из стороны в сторону.

– Ну... что ты кричишь? – то ли обиделась, то ли испугалась Оля. – Я... я просто хотела показать...

– А я тебя просил? – заорал он во всё горло. И резко затормозил. – Я тебя просил его покупать?!

Оля никак не ожидала такой реакции от любимого мужчины. Таким она его видела впервые. Но, как бы там ни было, она должна оправдаться, по крайней мере, объяснить:

– Ну... раньше ты не был против. Это всего лишь колечко...

Похоже, это было последней каплей. Обезумевший Женя кинулся на Олю. Схватив её за плечи, он прижал девушку к спинке сиденья и, казалось, готов был встряхнуть из неё всё, включая душу:

– Всего лишь колечко?! И ради этого я упрятал жену в психушку?! Думал, заживу по-человечески с молодой же-

ной. Всё так хорошо начиналось. Живи – не хочу! А что осталось?! Из-за твоих чертовых брюликов от типографии осталось один пшик! Нет больше типографии, нет! Ничего больше нет! Ничего не осталось! Ни типографии, ни денег, ни Зинки!

Рука метнулась к лицу, и он наотмашь ударил девушку. Оля, прикрывая лицо одной рукой, другой пыталась нащупать ручку двери. Наконец, ей это удалось и она, не забыв прихватить сумочку, выскочила из машины.

Женя обхватил голову руками и истерично зарыдал. Врываясь пальцами в волосы, он тянул их, причиняя себе боль, совершенно не понимая, почему он до сих пор не может проснуться? В этом сне ему было больно и противно от самого себя.

– Ничего не осталось, ничего! Ни типографии, ни Зинки...! – застонал он и ударился головой об руль. Клаксон издал пронзительный звук.

Оля убегала, стараясь затеряться во дворах многоэтажек, не совсем понимая в каком районе находится.

Наевшись супа, Зина заснула. Тётя Паша обняла её спящую и тихонько запела:

«Месяц над нашей крышею светит, вечер стоит у двора.

Маленьким птичкам и маленьким деткам спать наступила пора.

Завтра проснешься, и ясное солнце снова взойдет над тобой.

Спи, мой воробышек, спи мой сыночек, спи, мой звоночек родной»

Она не заметила, как воспоминания привели её в дом, где она – молодая, счастливая, с сыном на руках. Муж – живой, она – любимая, будущее – безоблачное. Тётя Паша пела колыбельную, которую так любил он – её сыночек, её кровиночка. Она пела для него:

«Спи, моя крошка, мой птенчик пригожий. Баюшки, баю-баю.

Пусть никакая печаль не тревожит детскую душу твою.
Ты не увидишь ни горя, ни муки, доли не встретишь лихой.

Спи, мой воробышек, спи, мой сыночек, спи, мой звоночек родной».

Остановившийся взгляд тёти Паши, слёзы, которые капали просто на лицо Зины, срывающийся голос... – всё говорило о том, что женщина сейчас не здесь, она там, где осталось её счастье – в далёкой, далёкой молодости:

«Спи, мой малыш, вырастай на просторе,

Быстро промчатся года...»

– Не надо... – раздался голос Зины.

Она увидела, что Зина проснулась, припала лбом к её лбу и обе беззвучно заплакали.

Придя в себя, тётя Паша помогла Зине сесть, с обеих сторон подпёрла подушками и села с ней рядом. Они сидели, молча, свесив ноги, всем своим видом выдавая бессилие. Тё-

тя Паша вздохнула над горькой судьбой обеих женщин и, как бы между прочим, заметила:

– Бежать тебе надо. Зачахла вся. Помрёшь ещё.

– Куда бежать? Кому я нужна? – с трудом произнося слова, сказала Зина.

– Там разберемся. Главное, увести тебя отсюда, – всё более набирая уверенности, заявила тётя Паша. – Завтра будка приезжает. Нюська, как всегда, к своему на пятиминутку побежит. Он утром сменяется. У нас будет минут десять, не больше.

Зина удивлённо посмотрела на Тетю Пашу.

– Не смотри так, милая. Я всё продумала. Ты слышала, что обо мне говорят? «Старая ментовка!».

– А если поймают?

– Если поймают, в мешках вынесут. Обеих. Поэтому надо, чтобы не поймали.

Побег

Утро радовало Антонину Романовну обещанной встречей с Борисом. Их отношения набирали силу, и это было заслугой самой Антонины. Высокий, крупноватый мужчина с копной тёмных волос и до боли обаятельной улыбкой, сначала был обласкан кухарками интерната. Те, как взбесились, одна перед другой затаскивая Бориса в постель, которую они оборудовали в подсобке, примыкающей к кухне.

Но не будь она Антониной – дочерью, хоть и покойного, но не последнего в своё время человека в министерстве, чтобы не отобрать у этих безмозглых куриц такого мужчину.

Она вошла в кабинет, кинула сумочку на стул и открыла жалюзи. Утреннее солнце проникло в помещение, слепя хозяйку кабинета яркими лучами. Она чуть прикрыла жалюзи и поспешила навести марафет. Стоя перед зеркалом, Антонина слегка подчесала волосы, придавая им объём и расправляя запутанные узелки обратной стороной расчёски.

Из зеркала на неё смотрела привлекательная и вполне молоджавая для её возраста женщина. Круглые коленки, которые она ни за что бы не спрятала под юбкой или не дай Бог под брюками, придавали ей женственность и сексуальность. Она не любила в женщинах набор костей и считала себя эталоном женской привлекательности. Да стоило бы ей захотеть, она легко могла отхватить любого холостого мужчину

из своего круга, – впрочем, и не холостого тоже. Но её сердце было занято Борисом.

От приятных мыслей Антонину Романовну отвлекли шаги. Она повернулась к двери и увидела Светку.

– Кофейку, Антонина Романовна? – спросила та с подобо-бострастной улыбкой.

– Можно-можно, – обнажая ряд ровных белых зубов из металлокерамики, улыбнулась главврач.

Светка пулей сгоняла за бутербродами и прямо в кабинете главврача заварила кофе из электрочайника, который когда-то Антонине Романовне подарил коллектив интерната. Пока Антонина Романовна кофейничала, Светка примости-лась на стул с докладом:

– Сегодня ночью буйную привезли. Всю ночь не спали – утихомиривали.

– Да, слышала уже. Надо будет сходить, посмотреть.

– Не утруждайтесь, Антонина Романовна. Спит мёртвым сном. Вкололи ей по самое некуда, до утра провозились...

Откусывая бутерброд с сёмгой, посыпанную свежим молодым укропом, Антонина Романовна přátельски улыбну-лась Светке:

– Светка, и когда ты только отдыхаешь? Взвалила на себя все смены, работаешь без выходных, сердечная ты наша. Пойди, подремли...

– На том свете подремлю. Некогда отдыхать, работать на-до...

Выполнив свой утренний ритуал, с чистой совестью Светка вышла из кабинета главврача. Она привыкла получать похвалу от этого строгого, но снисходительного к ней руководителя интерната, и была на особом счету среди медсестринского персонала. Она прошла в свой личный кабинет, который когда-то оттяпала у завхоза, устроив там всё по своему вкусу. Она закрыла жалюзи и задёрнула занавески, погружая комнату в приятную после бессонной ночи темноту. Не снимая халата, плюхнулась на кушетку и моментально погрузилась в сон.

За рулём малотоннажного автомобиля, который в народе называют просто будкой, сидел Борис. Машина ехала по просёлочной грунтовой дороге, обрамлённой с обеих сторон полями колосившейся пшеницы. Урожай в этом году обещал быть богатым, пшеница вымахала по пояс.

Борис достал сигарету, пошарил по карманам в поисках зажигалки. Обнаружив, что зажигалки нет, потянулся за спичками, которые на всякий случай держал в бардачке. Спичку от подкуренной сигареты спрятал обратно в коробку, помня, как в прошлом году горело поле из-за брошенной каким-то козлом спички.

Несмотря на утро, солнце палило нещадно. Он расстегнул рубашку и глянул на часы. Меньше четверти часа пути до интерната. Зазвонил мобильный, на дисплее высочила фотография Антонины. Не выпуская сигареты, он включил телефон на громкую связь, положив его на соседнее сиденье.

– Ну, где ты там, далеко ещё? – раздался её нетерпеливый голос.

– Скоро буду. Соскучилась?

– А хоть бы и так! Приедешь, сразу ко мне на ковёр! – игриво приказала женщина. – Расскажу, как должен выполнять обязанности водитель дурдома! – засмеялась она.

– Не, мне ещё на склад надо. Выходи, покатаемся, – снова взглянул на часы Борис.

– Ну, покатаемся, значит, покатаемся, – согласилась Антонина. – Давай, как будешь подъезжать, наберёшь.

В коридоре стояла привычная тишина. Время утренней прогулки ещё не наступило, и больные коротали время в своих палатах. Сотрудники психиатрического интерната неспешно выполняли свои обязанности, открыв в кабинетах окна, чтобы не спариться от жары.

На втором этаже открылась дверь одной из палат и в коридор выглянула пожилая женщина. Озираясь по сторонам, она, крадучись, дошла до лестницы, которая вела на нижние и верхние этажи интерната. Увидев, что вокруг нет ни души, она громко кашлянула.

Из той же палаты сразу вышла ещё одна женщина – моложе первой, но более слабая на вид. Пожилая подала ей знак, подзывая к себе.

Съезжая с грунтовой дороги, белая будка вильнула в сторону интерната. Борис позвонил:

– Выходи, подъезжаю!

– Иду, – ответила ему Антонина.

Главврач сняла халат, поправила причёску и переобулась в лаковые босоножки на высоком каблуке.

Придерживаясь за стену, Зина тащилась по коридору, держа курс на тётю Пашу, которая то и дело повторяла:

– Давай, миленькая, давай... Ещё немножко... Прошу тебя...

Пожилая женщина не спускала глаз с Зины, в то же время держа во внимании лестницу. Вдруг раздался истошный крик, который исходил из палаты, размещённой на их этаже.

Антонина Романовна взяла сумочку, перед выходом кинула в зеркало оценивающий взгляд, и только собралась покинуть кабинет, как услышала душераздирающий крик. Спеша по коридору на голос, она столкнулась со старенькой санитаркой. Коротко стриженные седые волосы санитарки непослушно торчали, вызывая неподдельный смех главврача при каждой встрече с ней. В конце концов, Антонина Романовна привыкла к её причёске, – смеяться перестала, но прозвище «Одуванчик» так и прилипло к старушке.

– Антонина Романовна, там это... ночная буйная проснулась, – сообщила Одуванчик.

Услышав крик, Зина запаниковала, мечась во все стороны, не понимая, куда бежать. Крик становился громче и, чтобы избавиться от него, Зина закрыла уши руками; присев, прижалась спиной к стене. Наконец, крик прекратился, погрузив этаж клиники во внезапно наступившую полную ти-

шину. И в этой тишине отчётливо прозвучал стук цокающих каблуков.

Тётя Паша сорвалась с места и бегом припустилась к Зине. Добежав до неё, она рывком подняла Зину и запихнула в первую попавшуюся палату. Они вдвоём прижали дверь изнутри палаты, надавливая на неё спиной. На кровати лежала и смотрела на них больная женщина. Она встретила их улыбкой, которая переросла в нечленораздельные звуки, к их ужасу сменившиеся громким неудержимым смехом.

– Всё хорошо... Всё хорошо... – шёпотом успокаивала её тётя Паша.

Женщина перестала смеяться, внимательно вслушиваясь в слова своей гостьи. Видя, что та реагирует, тётя Паша шёпотом запела:

«Месяц над нашей крышей светит, вечер стоит у двора.

Маленьким птичкам и маленьким деткам спать наступила пора...»

По коридору, минуя палату, где спрятались беглянки, прошла Антонина Романовна, издавая стук каблуков. За ней прошествовал остальной медперсонал, мягко шагая по паркету. Но каждый звук отдавался в ушах Зины, чувствительность которой к окружающему пространству была особенно обострена. Шаги стихли возле одной из палат, и раздался звук закрывающейся двери.

Охранник услышал сигнал машины и пошёл открывать ворота. В задний двор интерната въехала большая белая буд-

ка, из кабины выглянул водитель и крикнул:

– Гриш, не закрывай! Мне минут десять – как всегда!

Гришка махнул рукой, оставив ворота открытыми. Борис подъехал к кухне, и стал из машины выгружать мешки и сетки с овощами, скидывая их у дверей. Дружно, весело гомоня, кухарки подхватывали мешки и заволакивали их в кухню.

– Взяли, понесли! – командовала одна.

– Да что, нам не привыкать! Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик! – отзывалась её напарница, ловко хватая края мешка, который они вдвоём затаскивали в кухню.

Из дверей кухни прошмыгнула молодая девка, которую бабы тут же заметили:

– Нюська, опять филонишь? Хватай мешок, понесли!

– А мне сегодня нельзя! – на ходу бросила Нюська, направляясь к домику охранника.

– А кому здесь можно?! – возмущались бабы. – О! О! Уже побежала, бесстыжая! В каждую его смену бегают!

Таща тяжёлый мешок, Борис чуть не налетел на двух пациенток. Обе выпучили глаза и пёрли, не разбирая дороги.

– А ну, с дороги! Нашли, где прогуливаться! – заорал он на них.

Тётя Паша усадила Зину на лавочку. Пока та отдыхала, она заметила рассыпанные овощи, которые выпали из прорвавшейся сетки.

Борис выгрузил последний мешок, вытер пот со лба, ощущая жажду.

– А пойдём-ка мы тебя компотиком холодным угостим!

– Да мне ехать надо, – неуверенно отказался он. – Сейчас... где она...?

Пока Борис набирал на мобильном Антонину, он не заметил, как оказался в плену женских рук. Две кухарки подхватили его под руки и потащили на кухню.

– Ой, девки! Вот шельмы! – раздался уже из открытых окон кухни его голос.

– Держись, милая, я сейчас, – шепнула Зине тётя Паша. Она опрометью кинулась к рассыпанным овощам, подобрала старый, порванный пакет и собрала в него всё, что выпало из сетки.

Подбежав к Гришке, Нюська кивнула на домик:

– Пошли!

– Да ворота... – неуверенно пожал плечами Гришка.

– Пошли, пошли, пять минут делов-то. – тянула его Нюська.

– А, пошли! Неугомонная ты моя! – согласился Гришка и, подхватив Нюську на руки, скрылся в служебном домике.

Тётя Паша просчитала всё правильно. Её многодневные наблюдения не дали сбой. Она знала по минутам, кто и сколько времени будет отсутствовать, и понимала, что им нельзя медлить. Она схватила Зину за руку и поволокла её к воротам.

Они бежали по грунтовой дороге вдоль пшеничного поля, то и дело оглядываясь. Тётя Паша знала, что с минуты на ми-

нуту из интерната должна выехать белая будка. У обеих женщин открылось второе дыхание. Непонятно откуда взявшиеся силы толкали их вперёд, всё дальше и дальше от того ужаса, который им пришлось пережить в оставшемся за спиной здании. Единственное, о чём жалела тётя Паша, это об отсутствии воды. Готовя побег, она так и не нашла резервуара, куда можно было бы набрать воду. Она заблаговременно одела Зину в одно из своих платьев, которые ей обычно передаривала добрая душа – санитарочка Одуванчик. То, что в интернате не запрещалась домашняя одежда, было только им на руку, чтобы потом затеряться и не быть пойманными.

Сзади раздался гул машины, женщины обернулись и увидели показавшуюся вдалеке белую будку. Они юркнули в пшеницу и замерли там, боясь пошевелиться. Мимо них проскочила будка, в кабине которой громко хохотала Антонина Романовна.

На безлюдном каменистом пляже ближе к полудню появились две женщины. Уставшие, изнурённые жарой и жаждой, они обе упали на песок у самой воды. У Зины не осталось сил, и со стороны могло показаться, что женщина уже не жива. Неподвижная, с бледными покровами кожи – несмотря на яркое солнце и ужасную жару, с закрытыми глазами – она не чувствовала ничего, казалось, сознание покинуло её.

В погружённую в воду ладонь накатила волна. Она ощущала её. Мокрая, живая, ласкающая... она накатывалась и убегала, как будто играла с ней. Ладонь сжала воду, кото-

рая тут же просочилась сквозь пальцы, не желая повиноваться. «Какая она своенравная и ласковая», – не столько подумала, сколько осознала женщина. Наконец, она открыла глаза и увидела... море.

Произнося что-то невнятное, она шептала, разговаривала с морем, передавая ему свою боль. Дрожь охватила тело, и закапали слёзы. Сильней и громче раздавались рыдания, сотрясая тело освобождённой женщины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.